

Черубина де Габриак (Елизавета Дмитриева) ИСПОВЕДЬ

Посвящается Евгению Архиппову³¹⁴

...В первый раз я увидела Н. С.³¹⁵ в июле 1907 года в Париже³¹⁶, в мастерской художника Себастьяна Гуревича³¹⁷, который писал мой портрет. Он был еще совсем мальчик, бледный, мрачное лицо, шепелявый говор, в руках он держал большую змейку из голубого бисера. Она меня больше всего поразила. Мы говорили о Царском Селе, Н. С. читал стихи (из "Романтических цветов"³¹⁸). Стихи мне очень понравились. Через несколько дней мы опять все втроем были в ночном кафе, я первый раз в моей жизни. Маленькая цветочница продавала большие букеты пушистых гвоздик, Н. С. купил для меня такой букет, - а уже поздно ночью мы все втроем ходили вокруг Люксембургского сада, и Н. С. говорил о Пресвятой Деве. Вот и все. Больше я его не видела. Но запомнила, запомнил и он.

Весной уже 1909 года в Петербурге я была в большой компании на какой-то художественной лекции в Академии художеств, - был Максимилиан Александрович Волошин, который казался тогда для меня недостижимым идеалом во всем. Ко мне он был очень мил. На этой лекции меня познакомили с Н. С., но мы вспомнили друг друга. Это был значительный вечер "моей жизни". Мы все поехали ужинать в "Вену"³¹⁹, мы много говорили с Н. С. - об Африке³²⁰, почти в полусловах понимая друг друга, обо львах и крокодилах. Я помню, я тогда сказала очень серьезно, потому что я ведь никогда не улыбалась: "Не надо убивать крокодилов". Н. С. отвел в сторону М. А. и спросил: "Она всегда так говорит?" - "Да, всегда", - ответил М. А.

Я пишу об этом подробно, потому [что] эта маленькая глупая фраза повернула ко мне целиком Н. С. Он поехал меня провожать, и тут же сразу мы оба с беспощадной ясностью поняли, что это "встреча", и не нам ей противиться. Это была молодая, звонкая страсть. "Не смущаясь и не кроясь, я смотрю в глаза людей, я нашел себе подругу из породы лебедей", - писал Н. С. на альбоме, подаренном мне.

Мы стали часто встречаться, все дни мы были вместе и друг для друга. Писали стихи, ездили на "Башню" и возвращались на рассвете по просыпающемуся серо-розовому городу. Много раз просил меня Н. С. выйти за него замуж, никогда не соглашалась я на это; в это время я была невестой другого, была связана жалостью к большой, непонятной мне любви. В "будни своей жизни" не хотела я вводить Н. С.

³¹⁴ 236 Архиппов Евгений Яковлевич (1882-1950) - библиограф, педагог, критик (псевдоним Д. Щербинский). Собирал все стихи Е. И. Дмитриевой ("том в 351 лист"), написал две статьи о ее творчестве. Был с ней в переписке (с 1921-го по 1928 г.) и составил ее "Автобиографию" по ее письмам.

³¹⁵ Николай Степанович Гумилев.

³¹⁶ 237 Окончив Царскосельскую гимназию в 1906 году, Гумилев уехал в Париж, где слушал лекции в Сорбонне, изучал живопись и французскую литературу.

³¹⁷ 238 Себастьян Гуревич - художник, принимавший участие в журнале "Сириус", издававшимся Гумилевым в Париже.

³¹⁸ 239 "Романтические цветы" - книга стихов Гумилева, вышедшая в Париже в 1908 году.

³¹⁹ Петербургский ресторан, излюбленное место литераторов, художников, артистов.

³²⁰ 240 Гумилев впервые был в Африке осенью 1908 года (два месяца в Египте).

Те минуты, которые я была с ним, я ни о чем не помнила, а потом плакала у себя дома, металась, не знала. Всеи моей жизни не покрывал Н. С. - и еще: в нем была железная воля, желание даже в ласке подчинить, а во мне было упрямство - желание мучить³²¹. Воистину, он больше любил меня, чем я его. Он знал, что я не его - невеста, видел даже моего жениха. Ревновал. Ломал мне пальцы, а потом плакал и целовал край платья³²². В мае мы вместе поехали в Коктебель.

Все путешествие туда я помню как дымно-розовый закат, и мы вместе у окна вагона. Я звала его "Гумми", не любила имени "Николай", - а он меня, как зовут дома, "Лиля" - "имя, похожее на серебристый колокольчик", как говорил он.

В Коктебеле все изменилось. Здесь началось то, в чем больше всего виновата я перед Н. С.

Судьбе было угодно свести нас всех троих вместе: его, меня и М. А. потому что самая большая моя в жизни любовь, самая недостижимая, это был М. А. Если Н. С. был для меня цветение весны, "мальчик", мы были ровесники, но он всегда казался мне младше, то М. А. для меня был где-то вдали, кто-то, никак не могущий обратить свои взоры на меня, маленькую и молчаливую.

Была одна черта, которую я очень не любила в М. С., - его неблагоприятное отношение к чужому творчеству: он всегда [всех] бранил, над всеми смеялся, - мне хотелось, чтобы он тогда уже был "отважным корсаром", но тогда он еще не был таким.

Он писал тогда "Капитанов" - они посвящались мне. Вместе каждую строчку обдумывали мы. Но он ненавидел М. А. мне это было больно, очень здесь уже неотвратимостью рока встал в самом сердце образ М. А.

То, что девочке казалось чудом, - совершилось. Я узнала, что М. А. любит меня, любит уже давно, - к нему я рванулась вся, от него я не скрывала ничего. Он мне грустно сказал: "Выбирай сама. Но если ты уйдешь к Гумилеву я буду тебя презирать". Выбор уже был сделан, но Н. С. все же оставался для меня какой-то благоуханной, алой гвоздикой. Мне все казалось: хочу обоих, зачем выбор! Я попросила Н. С. уехать, не сказав ему ничего. Он счел

³²¹ 241 Ср. стихотворение Е. Дмитриевой, написанное 5 ноября 1925 года:

Да, целовала и знала
Губ твоих сладкий след,
Губы губам отдавала,
Греха тут нет.
От поцелуев губы
Только алей и нежней.
Зачем же так были грубы
Слова обо мне?
Погас уж четыре года
Огонь твоих серых глаз.
Слаще вина и меда
Был пашей встречи час.
Помнишь, сквозь снег над порталом
Готической розы цветок?
Как я тебя обижала!
Как ты поверить мог!

³²² 242 Маковский вспоминал: "Гумилев был влюбчив до крайности. К тому же привык "побеждать"..." Далее он называет Гумилева "повесой из повес, у которого на моих глазах столько завязывалось и развязывалось романов "без последствий"..." (Маковский С. На Парнасе "Серебряного века". Мюнхен, 1962. С. 203, 210). Николай Оцуп³²²³²² Оцуп Николай Авдиевич (1894-1958) - поэт и критик.

подтверждает: "...считая себя уродом, он тем более старался прослыть Дон Жуаном, бравировал, преувеличивал. Позерство, идея, будто поэт лучше всех других мужчин для сердца женщин, идея романтически-привлекательная, но опасная, - вот черты, от которых Гумилев до конца своих дней не избавился" (Оцуп Н. Литературные очерки. Париж, 1961. С. 21).

это за каприз, но уехал, а я до осени (сентября) жила лучшие дни моей жизни. Здесь родилась Черубина. Я вернулась совсем закрытая для Н. С., мучила его, смеялась над ним, а он терпел и все просил меня выйти за него замуж. А я собиралась выходить замуж за М. А. Почему я так мучила Н. С.? Почему не отпускала его от себя? Это не жадность была, это была тоже любовь. Во мне есть две души, и одна из них верно любила одного, другая другого.

О, зачем они пришли и ушли в одно время! Наконец, Н. С. не выдержал, любовь ко мне уже стала переходить в ненависть. В "Аполлоне" он остановил меня и сказал: "Я прошу Вас последний раз: выходите за меня замуж", - я сказала: "Нет!"

Он побледнел. "Ну, тогда Вы узнаете меня".

Это была суббота. В понедельник ко мне пришел Гюнтер и сказал, что Н. С. на "Башне" говорил бог знает что обо мне. Я позвала Н. С. к Лидии Павловне Брюлловой, там же был и Гюнтер. Я спросила Н. С.: говорил ли он это? Он повторил мне в лицо. Я вышла из комнаты. Он уже ненавидел меня. Через два дня М. А. ударил его, была дуэль.

Через три дня я встретила его на Морской. Мы оба отвернулись друг от друга. Он ненавидел меня всю свою жизнь и бледнел при одном моем имени.

Больше я его никогда не видела.

Вот и все. Но только теперь, оглядываясь на прошлое, я вижу, что Н. С. отомстил мне больше, чем я обидела его. После дуэли я была больна, почти на краю безумия. Я перестала писать стихи, лет пять я даже почти не читала стихов, каждая ритмическая строчка причиняла мне боль. Я так и не стала поэтом: передо мной всегда стояло лицо Н. С. и мешало мне.

Я не могла остаться с М. А. В начале 1910 года мы расстались, и я не видела его до 1917 года (или до 1916-го?). Я не могла остаться с ним, и моя любовь и ему принесла муку.

А мне?! До самой смерти Н. С. я не могла читать его стихов, а если брала книгу - плакала весь день. После смерти стала читать, но и до сих пор больно³²³. Я была виновата

³²³ 243 16 сентября 1921 года Елизавета Ивановна напишет такие стихи:

ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ ГРАНТА

Памяти 25 августа 1921 г.³²³³²³ 24 августа 1921 года в Петрограде был расстрелян Н. С. Гумилев.

Как-то странно во мне преломилась
Пустота неоплаканых дней.
Пусть Господня последняя милость
Над могилой пребудет твоей.
Все, что было холодного, злого,
Это не было ликом твоим.
Я держу тебе данное слово
И тебя вспоминаю иным.
Помню вечер в холодном Париже,
Новый мост, утонувший во мгле...
Двое русских, мы сделали ближе,
Вспоминая о Царском Селе.
В Петербург мы вернулись - на север.
Снова встреча. Торжественный зал.
Черепеховый бабушкин веер
Ты, стихи мне читая, ломал.
После в "Башне" привычные встречи,
Разговоры всегда о стихах,
Неуступчивость вкрадчивой речи
И земная цепкость в словах.
Строгих мэтров мы читали законы
И смеялись над вольным стихом,
Мы прилежно писали канцоны
И сонеты писали вдвоем.
Я ведь помню, как в первом сонете
Ты нашел разрешающий ключ...
Расходились мы лишь на рассвете,
Солнце вяло вставало меж туч.
Как любили мы город наш серый,

перед ним, но он забыл, отбросил и стал поэтом. Он не был виноват передо мною, очень даже оскорбив меня, он еще любил, но моя жизнь была смята им, - он увел от меня и стихи, и любовь...

И вот с тех пор я жила не живой; шла дальше, падала, причиняла боль, и каждое мое прикосновение было ядом. Эти две встречи всегда стояли передо мной и заслоняли все, а я не смогла остаться ни с кем.

Две вещи в мире для меня всегда были самыми святыми:

стихи

и

любовь.

И это была плата за боль, причиненную Н. С.: у меня навсегда были отняты

и любовь

и

стихи.

Остались лишь призраки их...

Марина Цветаева Живое о живом

...И я, Лозэн, рукой белей, чем снег,
Я подымал за чернь бокал заздравный!
И я, Лозэн, вещал, что полноправны
Под солнцем - дворянин и дровосек!³²⁴

Одиннадцатого августа - в Коктебеле - в двенадцать часов пополудни скончался поэт

Как гордились мы русским стихом...
Так не будем обычною мерой
Измерять необычный излом.
Мне пустынная помнится дамба,
Сколько раз, проезжая по ней.
Восхищались мы гибкостью ямба
Или тем, как напевен хорей.
Накануне мучительной драмы...
Трудно вспомнить... Был вечер... И вскачь
Над канавкой из "Пиковой дамы"
Полетел петербургский лихач.
Было скапано слово неверно...
Помню ясно сияние звезд...
Под копытами гулко и мерно
Простучал Николаевский мост.
Разошлись... Не пришлось мне у гроба
Помолиться о вечном пути,
Но я верю - ни гордость, ни злоба
Не мешали тебе отойти.
В землю темную брошены зерна,
В белых розах они расцветут...
Наклонившись над пропастью черной,
Ты отвел человеческий суд.
И откроются очи для света.
В небесах он совсем голубой.
И звезда твоя - имя поэта
Неотступно и верно с тобой

Екатеринодар

324 Из пьесы М. Цветаевой "Фортуна".